

Игорь Шестков

ЧАТТАНУГА

После долгих, бедных и унижительных лет безработицы я получил работу. В небольшом рекламном агентстве.

Интервью со мной его шеф провел по телефону. Чудак. Чем-то я ему понравился. Может, его рассмешил анекдот про сторожа и шампиньоны, который я ему рассказал? Сразу предложил начать работать у него. В следующий понедельник, в восемь утра. В новом здании неподалеку от Восточного вокзала. В комнате, из окон которой, по его словам, было видно бывшую Берлинскую Стену, расписанную художниками-энтузиастами. Целующиеся в засос Брежнев и Хоннекер, убогий гэдээровский автомобиль Трабант, пробивающий Стену, фабричные здания, трубы, ошалевшие толпы людей и всевозможные пестрые чудовища, символизирующие не помню что...

Шеф сказал, что эти картинки хоть и наводят на скорбные мысли о судьбе человечества, но помогают понять психологию клиента, покупающего, например, противозачаточные пилюли или порошок для борьбы с вредными насекомыми.

...

Новая работа! После восемнадцати лет безработицы. Какая неожиданная, но желанная перемена!

Хотя... придется пять раз в неделю рано вставать и кататься туда-сюда на ужасном берлинском общественном транспорте. Каждый день торчать в душной комнате с чужими людьми по восемь часов. Терпеть их запах, фальшивые улыбки, банальные мотивации их поступков и их тошнотворные шутки.

Зато карман не будет больше вечно пустым. Не нужно будет покупать булочки по 14 центов и рыбные палочки по полтора евро за пачку в магазине Нетто.

После первой же зарплаты на новом месте я пойду в магазин Реве, куплю булочки с изюмом по 39 центов и мясо крабов. Поджарю его в оливковом масле и съем с сладкими желтыми перцами, фаршированными тушеной печенью теленка и рисом дядюшки Бена.

Буду пить настоящий дорогой горячий шоколад. Горьких швейцарских сортов... с миндальными и мускатными орешками. Густой как пудинг.

Надеюсь, это прибавит мне самоуважения, уверенности в завтрашнем дне и улучшит пищеварение. И продлит мое эфемерное существование на этой чудесной планете, которую мы так упорно превращаем в свалку. Если меня конечно не доведут до безвременной кончины стресс, неизбежные коллективные трапезы в ресторанах, с стриптизершами и фокусниками, невыносимо долго длящиеся дни рождения, регулярные нотации и проработки начальников, бессмысленные курсы повышения квалификации...

И еще – ревность, интриги, зависть, злоба, тупость, наушничество и прочие негативные проявления человеческой природы, особенно ярко проявляющиеся у

двуногих бескрылых в процессе хорошо оплачиваемой совместной трудовой деятельности.

...

Как же приятно стать богатым!

Куплю себе раскладной электросамокат.

Давно мечтал об этой полезной вещице, ведь с самокатом – другая жизнь. Ты больше не пешеход, как все эти неопрятные люди с мрачными лицами, бесцельно слоняющиеся по улицам Марцана с собаками и без. У тебя есть цель.

Вышел на улицу, влез на самокат и покатил на работу... или в магазин, за покупками. Ты не какое-нибудь восточногерманское или ближневосточное, задыхающееся в своей незначительности, чмо! Ты хоть и постаревший, и подурневший, но человек. Человек с деньгами!

Пусть и с бритой головой, неизбывной тоской в сердце и маленьким ножиком в кармане.

А в эс-бане самокат можно сложить и спрятать в сумку, чтобы не мешал.

Сумку буду ставить на колени, включать смартфон и играть всю дорогу в шарики-стрелялки. Главное – не смотреть по сторонам!

Сниму новую квартиру. В Шарлоттенбурге. Буду заходить во дворец и гулять по парку королевы Софии. Посещать собрание графики Бергрюна. И музей сюрреализма.

И новая мебель не помешает. Старая похожа на облезлую черепаху, из которой пружины торчат.

Плазменный телевизор, компьютер, колонки...

И вещичек надо подкупить. А то все брюки и носки с дырками. Курточку присмотреть пофасонистее. Костюм строгий. С полоской.

Дюжину белых рубашек куплю. Туфли. Перстенок с зеленым камешком. Или с синим. И золотые запонки.

Загляну вечером на улицу Ораниенбургерштрассе.

...

Только вот... смогу ли я что-нибудь полезное делать на работе? Смогу ли выполнять заказы? Придумаю ли новую рекламу для противозачаточных пилюль? Не уверен. И Хоннекер с Брежневым мне вряд ли помогут. И фабрики. И чудовища.

Башка что-то плохо варит последнее время. Исчезла острота восприятия. Вместо ясной, четкой картины – туман. Сумерки. Раздражаюсь часто по мелочам.

Тело как будто стало чужим. Неповоротливым, вялым. Как личинка в коконе.

Сны вижу мучительные. Город странный снится. Люди – вроде как плоские. А все дома – белые и похожи на чайники. А я среди них как таракан бегаю, ищу свою самку.

С полезным – понятно. А бесполезное делать сможешь? Высосешь из пальца рекламу к стиральному порошку?

Не знаю, но заниматься чем-то бесполезным мне все же милее... не так позорно срезаться, показать некомпетентность.

Вот... идут два розовощеких близнеца-бутуза в новых матросских костюмчиках по набережной. Неожиданно с неба спускается роскошная летающая тарелка. Мальчики пугаются и падают на асфальт. А там – лужа. Поднимаются, оттряхиваются. Их костюмчики – в ужасных грязных пятнах. Близнецы в отчаянии. Что скажет строгая мама? Из летающей тарелки выходят улыбающиеся двухголовые инопланетяне, в руках они держат – посверкивающие как бриллианты коробки стирального порошка Доппелькопф... Через полчаса близнецы возвращаются домой. В безукоризненно чистых костюмах. Их встречает радостная мамаша. У нее – две головы и четыре руки.

...

Нашел вход в здание. Поднялся на седьмой этаж. Подошел к кабинету шефа. Там должен был собраться «наш сплоченный коллектив единомышленников для краткого представления нового креативного сотрудника и раздачи заказов».

Было ровно восемь часов утра и жарко как в Африке...

Как они меня примут?

Руки у меня подрагивали, как хвост у бездомной собаки.

Во рту набегала слюна, хотелось плюнуть...

В коридоре висело огромное зеркало. Бегло осмотрел себя.

Так... забыл погладить брюки. Подмышками рубашка промокла от пота. И еще немного – на спине. Галстук мятый. Сандалии нечистые. На носке правой ноги белеет дырка размером с центовую монетку.

Вытер лоб платком, прокашлялся, постучал и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет.

...

Вау! Не кабинет, а овальный зал...

С дорогим паркетом, хором и росписью на потолке. Херувимы, серафимы и целый сонм каких-то героев-силачей.

Гомоэротическая лепнина с копьями, знаменами и пушками...

В зале звучала музыка. Старая запись. «Чаттануга Чу-чу» в исполнении оркестра Гленна Миллера. Все присутствующие танцевали.

Сотрудники агентства и сам шеф оказались очень старыми людьми. Сильно за 80.

Лыдые или седовласые старцы в смокингах и жуткие напудренные старухи в бальных платьях. Шеф – во фраке и в черном цилиндре, обернутом атласной красной лентой. На ленте – золотая бляшка в форме мертвой головы.

Многочисленно мне подмигнул и кивнул.

И последнее, самое удивительное – в кабинете находился средних размеров паровоз с пассажирским вагоном. Стоял на рельсах.

Паровоз то и дело гудел и сипло выпускал пар из своих механических легких.

Казалось, что он кого-то ждет. Из его кабины выглядывал веселый негр-машинист. Сверкал белыми зубами и жевал жвачку.

И это – рекламное агентство? Тут я должен работать над рекламой стирального порошка? Подходящее место.

Поначалу остальные будущие мои коллеги меня не замечали, потом, очевидно, заметили. Но музыку не выключили, танцевать не перестали... знаками пригласили меня присоединиться.

Я вышел на середину зала, закрыл глаза и начал ритмично сдвигать колени влево и вправо... а потом попытался отбить чечетку. Не получилось. Чуть не упал из-за острой боли в лодыжке.

Танцевал и терзал себя мыслями.

Что я буду делать в этой компании, среди этих танцующих мумий, карточных королей и пиковых дам? Я, человек, которому опротивела жизнь. У меня нет никаких идей. Все давно прогорело. У меня болят суставы. На душе муторно. Мне омерзительна реклама. Противен весь этот меркантильный мир, катящийся в пропасть.

Может быть, лучше покончить с фарсом, достать потихоньку нож из кармана и перерезать себе горло? Красное пятно в середине зала и скрюченная лежащая фигура придадут ему драматическую завершенность.

Затем... о наваждение, о печаль...

Ко мне подошла высокая пожилая дама в железной зубчатой короне, с закрытым сиреневой вуалью лицом, взяла меня за руку и повела за собой.

Она увела меня в вагон.

За нами в вагон зашли и все остальные. Чинно расселись на деревянных сидениях. Отрешенно смотрели перед собой. Молчали. Перебирали пальцами четки.

Шеф в цилиндре снял со стены старомодный микрофон и проговорил в него несколько слов. Из динамиков прохрипело: Следующая остановка – Чаттануга. Чаттануга, Теннеси. Время прибытия – между июнем и августом. Счастливой поездки, друзья! Как я вам завидую!

После этого шеф вышел из вагона. Стоял под неизвестно откуда взявшимся газовым фонарем и махал нам на прощанье рукой в белой перчатке.

Паровоз загудел особенно громко и протяжно, мы тронулись.

Я спросил даму в короне, сидящую рядом со мной – как же мы переедем на поезде через Атлантический океан, неужели янки построили мост... а она, вместо того, чтобы засмеяться, резко отдернула сиреневую вуаль...

О, страх и трепет! То, что я увидел, не было лицом женщины.

Вокруг жилистой, землистого цвета шеи этого существа обвились две шипящие змеи, вместо носа зияла дыра. Впалые щеки и острый подбородок заросли кустистой бородой цвета старинного нефрита. Из беззубого ее рта торчали темно-синие зубы. Глубоко посаженные бесцветные глаза смотрели на меня без печали и сожаления.

Больше вопросов я не ей задавал.

Потому что неожиданно понял, что ее лицо, лицо дюреровской Смерти с известной гравюры, и было ответом не только на мой шуточный вопрос, но и на все самые важные для меня вопросы, которые я всю жизнь задавал себе и миру. Понял, что началось мое последнее путешествие, которое кончится заведомо не в мифической, веселой, состоящей из радостных аккордов Чаттануге, а в другом,

куда более мрачном месте, понял и то, что единственное, что я могу еще сделать – это постараться достойно встретить конец.

Как-то само собой стало ясно, что войдя в овальный зал, а потом и в вагон, я покинул нашу обычную реальность и теперь нахожусь... где угодно, только не в рациональном и приземленном до рвоты, раздраженном Берлине 2019 года. Меня не покидало неприятное чувство, что я влез в чужую историю. Что меня поймали в капкан, который ставили не для меня.

*****

Итак, поезд тронулся...

Я прикинул к окошку и стал жадно смотреть. Предполагал, что наш тяжелый паровоз пробьет стену здания и мы рухнем на землю как сошедший с рельсов вагончик на Американских горках. Надеялся на то, что мы поплывем в воздухе, как Санта Клаус в своих санях. Но ни того, ни другого не произошло.

Мы проехали сквозь невидимое отверстие в стене овального зала и попали в темный туннель. Я так его называл. Что это было на самом деле, через какие кротовые норы вел этот туннель, куда, я не знаю.

Спустя какое-то время мы выехали из туннеля.

Вокруг нас была земля. Серая, сухая, похожая на бетон. Пыльная.

Ни деревца, ни кустика, ни цветка. Ни холмика, ни домика...

Небо было крысиного цвета. Ни облака. На горизонте – ничего, кроме горизонта.

Перевернул взгляд на пассажиров... и поразился произошедшей с ними перемене.

Никаких смокингов и бальных платьев на них больше не было. Все были одеты в рабочие штаны цвета льна и такие же майки с длинными рукавами. На головах у всех были одинаковые круглые шапочки. На ногах – грубые черные ботинки.

На лицах женщин не было грима.

Но самое странное – все пассажиры превратились в людей без возраста, без фигуры, без ярко выраженной индивидуальности...

Все от двадцати пяти до пятидесяти пяти. Все среднего роста. Ни толстые, ни тонкие, так себе... Выражение лиц – как у манекенов.

Моя соседка потеряла корону и вуаль. У нее появились курносый нос и губы, а борода исчезла. Уборщица. Дежурная. Рабочая на складе. Ничего необычного.

И я тоже стал таким как все. В рабочих штанах, майке и шапочке.

Желания, страхи и боли пропали, мысли замедлились, но не исчезли.

Кто-то к чему-то нас тщательно подготовил, внешне и внутренне. И произошло это в том самом темном туннеле.

Неужели к заключению и лагерным работам?

Похоже. Не хватало только татуировки на руках. На всякий случай внимательно осмотрел руки – нет, не было татуировки.

Как же они, те, кто всем этим управляет, будут нас различать? Кто они?

Тут одна из впереди меня сидящих дам слегка приподнялась, и я увидел на ее спине, на майке что-то вроде штрих-кода. Как я узнал позже, каждый из нас имел свой код или номер, состоящий из 34 цифр. Чтобы узнать его достаточно было

коснуться тела специальным прибором. Код этот нельзя было изменить. На майке код печатался для того, чтобы его можно было прочесть с большого расстояния. И не только на спине, но и на груди. И на штанах, и на шапочке.

...

Унылый пейзаж за окном изменился.

Слева по ходу поезда на горизонте показалось что-то похожее на человеческую фигуру... и это что-то росло и росло. Это была колоссальная бронзовая статуя нагого мужчины. Он напоминал мощные фигуры любимого скульптора фюрера Йозефа Торака. Также атлетичен, массивен и суров. Коротконог. Уверенный в себе мускулистый дядя. Безнадежный кретин. Надежная опора общества. Он стоял, приподняв обе руки, как будто приветствуя кого-то. Высотой статуя была метров в двести.

Не сразу заметил, что и по правую сторону от нас, впереди, показалась соразмерная ему – бронзовая нагая женщина, тоже мускулистая и коротконогая, тоже суровая, тоже напоминающая работы Торака, и тоже приветствующая кого-то.

Неужели эти истуканы приветствуют нас?

...

Фигуры эти вместе составляли нечто вроде ворот.

Проехав их, мы очутились в городе.

В жутком городе. В городе-монументе.

В не родившейся, не создававшейся веками, а искусственной как декорация, построенной с помощью линейки и циркуля урбанической среде.

В противоестественной утопии.

Город этот не имел прошлого, только настоящее. И грозил будущему.

Он весь был построен одновременно, по одному проекту, по приказу одного человека, фанатика порядка и помпезной мощи.

На века, на тысячелетия.

Широкие улицы, большие прямоугольные площади, высокие, квадратные в плане дома, облицованные гранитом, мраморные и бронзовые статуи героев на всех перекрестках, бело-красно флаги со свастикой. Все строения города, даже фонари на улицах, казалось, стояли как солдаты на параде – на вытяжку перед невидимым генералом.

Людей в этом городе я не заметил, возможно их еще не заселили. Легковых автомобилей тоже не было видно. Зато по параллельной нашему пути улице ползла колонна больших старомодных танков и грузовиков. Впереди и позади колонны ехали сотни вооруженных мотоциклистов. Небо патрулировали трехмоторные самолеты с характерными крестами на крыльях, выше их висели пузатые дирижабли. На крышах многих домов я заметил крупные, закамуфлированные тканью зенитные орудия.

Впереди виднелись – нелепая триумфальная арка по образцу парижской, только больше ее раз в пять, и грандиозный купол какого-то чудовищно огромного сооружения с узкими арками, колоннами и башнями. Купол увенчивал

величественный, стальной, широко раскрывший крылья имперский орел размером с вагон берлинского эс-бана. В когтистых лапах он держал земной шар. Этот город не мог существовать в реальном мире...

Не должен был существовать. Но существовал.

Мы медленно въехали в здание, чем-то напоминающее железнодорожный вокзал в Лейпциге. Вышли на перрон. Обнаружили, что наш паровоз притащил сюда не один вагон, а двадцать или тридцать вагонов, полных таких же как мы людей неопределенного возраста.

Не знали, что делать, куда идти. Беспомощно толпились, галдели. Некоторые сели на перрон.

Тут я понял, что во мне появилось то, чего раньше никогда не было – желание повторять действия других людей. Быть как все. Я тоже сел на холодный бетон и тупо ждал чего-то. Команды.

Через час или два из громкоговорителей на фонарных столбах раздался каркающий, режущий ухо голос.

Нам сообщили, что автобусы для транспортировки нас в будущие места проживания и работы готовы.

После этого среди нас неожиданно появились высокие молодые люди в черных униформах, в лакированных сапогах и как бы взлетающих вверх фуражках. В руках у них были ногойки. Они построили нас в ряды по пять человек и провели через длинные подземные переходы к Площади Павших Героев, украшенной памятниками и Вечным огнем, на которой действительно стояли несколько десятков носатых автобусов, как мне показалось, изготовленных еще до Второй Мировой Войны. Отстающих, охающих и выбившихся из строя люди в черных униформах били ногойками по головам.

Пора было прекратить этот кошмар. Я проверил карманы – ножа в них не было.

...

Автобусы вывезли нас из города и привезли в грязное фабричные предместье. Пахло гнилью и ацетоном. Мы построились и пошли в барак, заполненный трехэтажными нарами.

Нас ожидали годы мучительного труда на химической фабрике, побои, издевательства, пытки и казни...

Не способных работать посылали в газовые камеры. Тела сжигали в крематориях. Из их труб по окрестностям разносилась серая жирная пыль.

*****

Да-да, выгляжу ужасно. Завтра надену новую рубашку, новые носки и новые красные с зелеными пупырышками спортивные туфли. Брюки поглажу. И побреюсь поаккуратнее. А-то неудобно.

Постучал.

Мне сейчас же открыли. Кабинет у шефа был небольшой, но уютный. Из окон его действительно было видно украшенную пестрыми картинками бывшую Берлинскую Стену, вдоль которой уже гуляли туристы. За ней голубела река

Шпрее, по которой несмотря на раннее время плавали речные трамвайчики, заполненные праздной публикой.

Все двенадцать моих коллег уже сидели за большим прямоугольным столом. Улыбались приветливо. Шеф сел на свое место, постучал тупым концом шариковой ручки по маленькому тибетскому колокольчику и сказал: К делу, господи, время не ждет.

И вывалил из сумки на стол шесть пачек стирального порошка.

Послесловие

Прочитал перед микрофоном рассказ с веселым названием «Чаттануга». Да, да, это та самая песня из «Серенады солнечной долины». Но рассказ получился вовсе не веселым. Сам не знаю, зачем я его написал. Но хорошо знаю, для чего я его НЕ писал.

Я не писал его для решения или разрешения каких-либо этических, эстетических, художественных, мировоззренческих или религиозных задач или проблем.

Я не писал его для того, чтобы экспрессивно описать переживания стареющего героя, готового, как вы можете убедиться, запаниковать или взбеситься, или даже наложить на себя руки.

Я не писал этот текст для того, чтобы вызвать к самому себе жалость или более лестные для моего самолюбия чувства. Мог бы придумать что-нибудь и по сильнее.

Я не собирался сравнивать современный Берлин и бузумную фантазию фюрера и Альберта Шпеера.

Я не хотел упоминать газовую камеру.

Я терпеть не могу паровозы.

Ненавижу бальные платья.

Также, как и мой герой – не выношу рекламу. ...

У меня все более отчетливо... складывается впечатление, хм-хм... что мой герой воспользовался моим хорошим к нему отношением – и потихоньку продиктовал мне свой собственный рассказ. Нашептал. Подсунул. И был таков. Братья и сестры писатели – прошу вас, если он случайно вынырнет в вашем тексте... за ухо его – и ко мне, на расправу. Можете прицепить его к электронному письму. Буду весьма и весьма благодарен. Безобразие какое! И намеки какие делает, подлец! Изверг рода человеческого... желтые перцы ему подавай! На хлеб и воду посажу гада. А насчет самоката – надо подумать... Идея конструктивная. Обсудим на педсовете.